

В Текстильной лавке семьи Чжао на Восточном рынке Лавочник Чжао улыбался, приветствуя людей, и на каждое приветствие неизменно отвечал мягким пожеланием доброго пути, вылитый живой Будда Майтрея.

Вот только это был тот самый Лавочник Чжао, который нанимал работников на три года, не платя им ни гроша, а когда те требовали долг, приказывал до смерти избивать их и сбрасывать в реку.

Ни за что не догадаешься. Ни единой зацепки.

Шэнь Уцзю не стала входить внутрь с порога. По Законам Подземного Мира для вынесения приговора требовалась полная цепь доказательств: у нее имелись показания блуждающего духа, но одних слов было мало — нужны свидетели и вещественные доказательства.

На чайном стоянке за какую-то жалкую монету можно было услышать болтовню зевак: Лавочник Чжао — человек поистине прекрасный, недавно даже рис раздавал. Но поговаривают, у него в лавке раньше был подмастерье, трудился много лет, а потом неизвестно куда подевался. Да ладно, поденщики приходят и уходят, это обычное дело.

Приходят и уходят, обычное дело. Вот так человеческая жизнь легко и просто стиралась одной дежурной фразой.

После полудня появилась зацепка.

У входа в текстильную лавку остановилась небольшая паланкин-тележка, из которой вышел мужчина средних лет в даосском халате, выглядевший истинным небожителем. Молодой помощник тут же бросился ему навстречу: Даос Цинсуй! Лавочник Чжао ждет вас во внутренних покоях!

Даос Цинсуй. Шэнь Уцзю насторожила уши. Пойманный ею блуждающий дух рассказывал, что, когда он пришел в Текстильную лавку семьи Чжао требовать долг, его прогнал какой-то практикующий даос и вытолкнул напрямик к Мяснику Чжану.

Изгонять призраков, но не уничтожать их, а перенаправлять в чужой дом — разве это экзорцист? Это называется перекладывать беду на чужие плечи.

Она перемахнула через забор и прокралась под окно внутренних покоев.

Лицо Лавочника Чжао было бледным, под глазами залегли черные круги. Даос Цинсуй попивал чай с поистине внушительным видом.

Не беспокойтесь, Лавочник Чжао, бедный даос уже расклеил защитные талисманы по всему вашему поместью.

Но мне и минувшей ночью снились кошмары... будто кто-то сталкивает меня в реку...

Всего лишь кошмары. Однако для этого ритуала требуются первоклассная киноварь, столетнее персиковое дерево и желтая бумага с золотой фольгой, а все вместе обойдется в тридцать лянов.

Тридцать лянов. Шэнь Уцзю усмехнулась. Вчера она потратила полпалочки благовоний на поимку блуждающего духа да перекусила двумя паровыми булочками. А этот Даос Цинсюй, не сумев изгнать призрака, просто перенаправил его дальше, зато теперь лупит по тридцать лянов за успокоение духов.

Но она ждала кое-чего еще. Ждала, пока Лавочник Чжао сам себя выдаст.

Даос, я ведь в тот день... не должен был приказывать избить его... но он же устроил скандал! Подумаешь, трехлетнее жалованье — всего-то четыре лян серебра...

Четыре лян серебра. Трехлетнее жалованье. И Лавочник Чжао бросил это презрительное всего-то.

Четыре лян серебра за человеческую жизнь.

Я велел прогнать его, откуда же мне знать, что рука дрогнет и удар получится слишком сильным... Когда он полетел в воду, я ведь даже хотел его схватить...

Хотел схватить. Шэнь Уцзю заметила, как при словах хотел схватить его правая рука непроизвольно сжалась — та самая рука, на пальце которой остался след от укуса. В тот самый последний миг падающий в реку человек ухватился за твою руку, а ты его оттолкнул.

Достаточно. Если сложить это с показаниями блуждающего духа, обе нити сошлись воедино. Не хватало лишь вещественного доказательства.

Во внутреннем дворе конторы текстильной лавки она перерыла все бухгалтерские книги, но официальных записей не нашла. Зато в углу обнаружила деревянную бирку размером с ладонь с выжженным клеймом Текстильная лавка Чжао, на обратной стороне которой было криво выведено Чжоу Сань. Подобные именные бирки лавка выдавала подмастерьям, а по окончании срока службы они подлежали возврату. Эту бирку не вернули — потому что Чжоу Сань был мертв.

Цепь доказательств замкнулась.

Вернувшись в передний зал лавки, Шэнь Уцзю застала Даоса Цинсюя за проведением ритуала. Тот взмахнул даосским халатом, рассек воздух мечом из персикового дерева и брызнул в небо киноварью — ни малейшего эффекта. Прочитал заклинание трижды, и все три раза впустую.

Зеваки начали перешептываться. Лицо Лавочника Чжао побелело еще сильнее — он физически ощутил холод, ползущий вверх по позвоночнику.

Шэнь Уцзю шагнула вперед.

Лавочник Чжао. Ты кто такой?

Я пришла требовать долг за человека по имени Чжоу Сань. Трехлетнее жалованье, четыре ляна серебра.

Я знать не знаю никакого Чжоу Саня...

Шэнь Уцзю извлекла деревянную бирку и громко швырнула ее на прилавок: Это именная бирка вашей Текстильной лавки семьи Чжао, на обороте написано Чжоу Сань. Он отработал у вас три года, а бирку не вернул, потому что он мертв. Ты приказал избить его и сбросил в реку. Ты сам только что признался: когда он полетел в реку, я ведь даже хотел его схватить. Хотел схватить? Он укусил тебя за палец, и ты его отбросил.

Лавочник Чжао инстинктивно спрятал правую руку за спину. Вокруг воцарилась абсолютная тишина.

Шэнь Уцзю повернулась к Даосу Цинсюю: Тот защитный талисман, что вы оставили, я видела. На нем начертан Указ об изгнании духов, а вовсе не Указ об усмирении. Изгоняющий указ может лишь прогнать призрака, но не дано ему обрести покой. Вы чертите указания для изгнания, а берете деньги за усмирение — это называется мошенничеством.

Она вытащила из рукава Цепь, Увлекающую Души. При виде этой цепи лицо Даоса Цинсюя мгновенно побелело — он все-таки столько лет крутился в этих кругах и прекрасно узнал артефакт Царства Мертвых.

Ты вообще кто такая?

Шэнь Уцзю проигнорировала его, вновь обратилась к Лавочнику Чжао и хлопнула цепью оземь.

Лавочник Чжао, Чжоу Сань был убит по твоему злому умыслу, цепь доказательств полна. Согласно статье о злом умысле в Законах Подземного Мира...

Ее указательный палец черкнул в воздухе темную черту. Лавочник Чжао не мог ее видеть, но отчетливо почувствовал, как что-то ледяное коснулось его лба.

Приговариваешься за преступление злого умысла по Законам Подземного Мира, приговор вступает в силу немедленно.

Не успела она договорить, как ноги Лавочника Чжао разъехались. Он не зацепился ни за что конкретное — просто поскользнулся. Затылком он со всего маху ударился о порог. Затем на прилавке рухнула стопка фарфоровых чаш, и осколки брызнули ему под ноги. Он грохнулся снова.

К черной полосе дело идет... Неужто совпадение?

За преступление злого умысла по Законам Подземного Мира: после наложения метки удача обращается вспять. В легких случаях — полоса неудач, падения и денежные убытки, в тяжелых — встреча с призраками.

Лавочник Чжао наконец сообразил, что эта худая девица вовсе не шутит. Сними с меня это!

Не снйю. Иди в управу с повинной, выступи всё, что положено, и отвечай по закону. Как вынесет приговор судья, метка сама собой исчезнет. Разумеется, можешь и не сдаваться властям, тогда и будешь катиться по наклонной до самого конца.

Переступив порог, она бросила напоследок: Деньгов у тебя все равно хватает, раз можешь тридцать лянов спускать на фальшивых даосишек.

Позади раздался вопль Лавочника Чжао — не от боли, от ужаса. Даос Цинсуй попытался ускользнуть, но кто-то из зевак схватил его за воротник: Верни деньги!

Шэнь Уцзю не оглянулась. Уголки ее губ едва заметно дрогнули в улыбке.

Стоило вестям с Восточного рынка разойтись повсюду, как слава безымянного экзорциста укрепились окончательно. Не благодаря хвастовству, а благодаря ударам цепи и вынесенным приговорам.

В тихом переулке за лавкой она остановилась, прислушиваясь к течению энергии Инь. Отсюда к дому Мясника Чжана, к дому Портного Лю, к дому Вдовы Чэнь — повсюду потоки энергии Инь от очагов проявления духов устремлялись в едином направлении.

Северо-запад города. В сторону Резиденции государственного наставника.

Она сделала еще один шаг навстречу.

<http://bllate.org/book/21207/2146495>